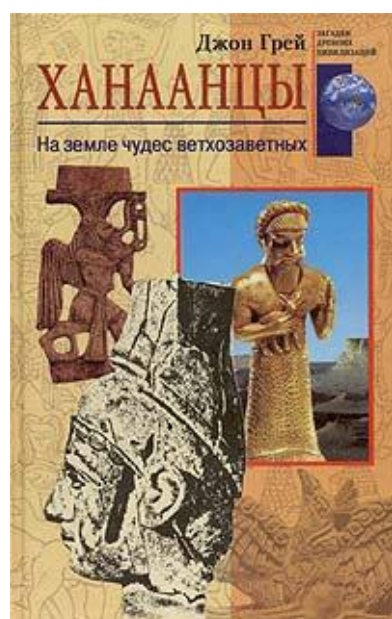

Джон Грей
Ханаанцы. На земле чудес ветхозаветных

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607845
Ханаанцы. На земле чудес ветхозаветных: Центрполиграф; Москва; 2003
ISBN 5-9524-0639-4

Аннотация

Книга рассказывает об истории ханаанцев – народе, населявшем территорию современной Палестины и Сирии в дохристианскую эру. Автор использует богатый документальный материал, данные археологических раскопок, древние литературные источники и воссоздает подробную картину культуры, быта и обычаев жителей древнего Ханаана.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джон Грей

Ханаанцы. На земле чудес ветхозаветных

Предисловие

Благодаря своему географическому положению Палестина и Сирия стали зоной взаимодействия крупнейших цивилизаций Месопотамии и Египта. Культура ханаанцев¹, населявших данную территорию во втором тысячелетии до н. э., в полной мере отражает это взаимодействие, хотя так и не достигла уровня развития своих великолепных соседей. Вместе с тем нельзя забывать, что ханаанцы навсегда вошли в человеческую культуру благодаря изобретению алфавита. Ограничение рамок настоящей работы вторым тысячелетием до н. э. определяется тем, что этот период был временем становления и расцвета ханаанской цивилизации.

Первые сведения о ханаанцах были обнаружены в ходе археологических раскопок в Палестине и затем существенно расширены благодаря изучению табличек из Эль-Амарны, содержащих политическую переписку ее вождей. Все эти материалы стали предметом фундаментальной работы старейшины палестинских археологов Р. Х. Винсента «Ханаанеяне в свете последних исследований», напечатанной на французском языке в 1907 году, в которой была раскрыта одна из ярких страниц истории человечества.

После появления данной работы наши знания о ханаанцах увеличились во много раз благодаря археологическим раскопкам в Сирии и Палестине, исследованию различных памятников культуры. Грандиозные открытия, сделанные в королевских гробницах в Библосе, в храмах и дворцах в Мегиддо и Бет-Шане и особенно в храме Ваала, дворцах и домах города Рас-Шамры дали огромный научный материал, о котором будет рассказано ниже.

Менее впечатляющими, но не менее значительными являются предметы из других поселений, они дают необходимый материал для сравнительных исследований, дополняя открытия, полученные в ходе изучения большого количества литературных источников и административных документов из Рас-Шамры. Возможно, что новые материалы, сейчас еще не известные исследователям, приведут к пересмотру современных представлений о происхождении ханаанцев.

Ханаанитские литературные памятники и документы из Рас-Шамры содержат более обширную информацию, чем те обобщенные выводы, которые можно найти во многих книгах по ветхозаветной истории. Настоящее исследование вызвано необходимостью собрать и проанализировать всю информацию, которая накопилась за последнее время.

Мы верим, что, несмотря на ограниченный объем, данная работа дает достаточно полное представление о масштабе и значении приводимых нами революционных по своему значению материалов, и надеемся, что читатель благосклонно примет выводы и обобщения, к которым мы пришли в подготовленных нами «Законах Ханаана».

В данной работе мы придерживаемся упрощенного написания, без ударений и диакритических знаков, обычно используемых при транслитерации семитских слов.

Воспользуемся теперь возможностью, чтобы отдать дань уважения новаторской работе Чарльза Виролло, главного редактора во всех значениях этого слова, и его преемнику Рене

¹ В отечественной науке принято название «ханаанеи», которое мы будем употреблять параллельно с более современным словом «ханаанцы».

Дюссо. Если мы и не приняли всех их замечаний, то в полной мере воспользовались их чутьем и живым опытом.

Отметим также самоотверженную работу профессора С. Х. Гордона, который перевел основной корпус текстов и снабдил нас превосходным грамматическим справочником. Мы также воспользовались недавними переводами и специальными комментариями в трудах профессора Г. Р. Драйвера («Ханаанитские мифы и легенды», 1956) и профессора Дж. Айстлейтнера («Мифологические и культовые тексты из Рас-Шамры», 1959, и «Словарь угаритского языка», 1963).

Приносим свою благодарность профессору О. Эйсфельду (Галле, Германия), который возглавил исследования после смерти профессора Дж. Айстлейтнера в 1960 году, великодушно приславшего нам в подарок книгу. Выражаем свою признательность профессору О. Эйсфельду и за его превосходные и конструктивные исследования недавно обнаруженных административных текстов из дворца в Рас-Шамре и за серию исследований, посвященных религии Ханаана.

В ходе подготовки настоящей работы меня поддерживали и воодушевляли многие знакомые, например знаменитый археолог, раскопавший Рас-Шамру, профессор С. Ф. А. Шеффер, которому мы бесконечно благодарны не только за его методические и успешные полевые работы, но также за его обильные и постоянные советы и предоставленную нам «Сравнительную стратиграфию и хронологию Восточной Азии», а также за любезное предоставление материалов из Рас-Шамры для иллюстративного ряда книги.

Мне хотелось бы также поблагодарить и тех, с кем мне довелось встречаться во время раскопок в Палестине, Сирии и Ливане: Р. П. Роланда Де Во, главу французской археологической школы, и доктора Юсуфа Саада, директора Палестинского археологического музея в Иерусалиме, эмира Мориса Хебаба, директора Национального музея в Бейруте, и его помощника мистера Роджера Саида, а также Фейсала Сейрафи, директора Музея древностей в Алеппо, щедро предоставивших мне материал для иллюстраций и помогавших в моих исследованиях, а также сделавших мое пребывание на Ближнем Востоке не только полезным, но и приятным.

При подготовке рукописи существенную помощь мне оказал мой подающий надежду молодой коллега Уильям Джонсон, преподаватель факультета еврейских и семитских языков Абердинского университета. Проницательно и внимательно он прочитал рукопись и составил указатель. Вернувшись из Рас-Шамры, мистер Джонсон произвел сверку текста вместе с моей женой, за что я безмерно благодарен.

Безмерно признателен помощи Х. А. Шелли, подготовившего карты, а также М. Л. Роу из Кембриджа и мистеру М. Спинку из издательства «Теймс и Хадсон» за подготовку рисунков с учетом всех моих замечаний. Что же касается остальных рисунков и планов, то я должен отдать должное профессиональным навыкам моего друга мистера Джеймса Л. Сомервиля из Абердена. Его заинтересованность, а также терпеливое и тщательное обсуждение деталей работы оказались воистину бесценными.

И наконец, приношу свою благодарность доктору Глинну Даниэлу и всей редакции «Теймс и Хадсон» за проявленное ими терпение при тех задержках, которые были вызваны подбором иллюстраций, и за их умелое руководство в тех деталях, которые сопровождали подготовку рукописи.

Дж. Грей

Глава 1

Введение

Чаще всего о ханаанцах узнают из Ветхого Завета. Там говорится, что они составляли большую часть населения Палестины, поглощенной Израилем, стремившимся занять «страну с молочными реками и кисельными берегами». Ветхозаветные пророки, проповедники и переписчики Ветхого Завета с негодованием говорят об «отвратительных ханаанейцах». Их ярость вызвана тем, что многие евреи поклонялись ханаанским божествам плодородия Ваалу и Аштарот, с культом которых было неразрывно связано представление о неукоснительном следовании естественным проявлениям природы, то есть о сексуальной свободе.

В настоящей работе мы будем опираться на материалы и документальные свидетельства, полученные в результате многочисленных археологических раскопок. Они дают подробную и наиболее объективную картину культуры и быта жителей Древнего Ханаана.

Название «Ханаан» происходит от семитского слова «кинахна», которым жители Месопотамии во втором тысячелетии до нашей эры обозначали часть сирийского побережья Средиземного моря от залива Александретта (современный Искендерун) до мыса Кармель. Отсюда они получали высоко ценившуюся ими пурпурную краску (кинахху), которую там производили из раковин, добытых в прибрежных водах.

Более узкое и, соответственно, более специфическое употребление названия Ханаан встречается в Ветхом Завете. Иисус Навин называет землей Ханаанской окрестности Сидона (Нав., 13: 4), пророк Исаия – окрестности Тира (Ис., 23: 11). В Книге Судей говорится о царях Ханаанских, которые сражались около вод Мегиддонских на западе великой центральной равнины Палестины (Суд., 5: 19).

В последнем случае говорится о жителях крупных поселений этой равнины и верхней Галилеи (то есть Хазора), которые имели торговые связи с жителями городов сирийского побережья (если быть более точным, финикийцами или ханаанцами) и восприняли их культуру и религию, что подтверждается многочисленными археологическими раскопками.

Еще одно значение можно обнаружить в Книге Чисел, где говорится о ханаанеях, которые живут «при море и на побережье Иордана» (Числ., 13: 29). Их главным культурным и торговым центром был Хазор, расположенный близ удобной переправы к югу от озера Хулах, через которую проходил путь в Дамаск и еще одна дорога вела на север через водораздел Иордана и Литании, затем к финикийскому побережью. Правитель Хазора в Книге Судей назван «правителем Ханаана» (Суд., 4: 2, 23–24).

Однако сведения, которые приводятся в библейских книгах, основываются на устных преданиях. Поскольку к моменту их составления прошло 400–500 лет, эти предания прошли через память двенадцать – пятнадцать поколений. К тому же они, несомненно, подверглись тенденциозной обработке в соответствии с идеологическими взглядами, соответствующими времени записи. Поэтому перед историками встает естественный вопрос о достоверности этих сведений. Одно из средств их проверки – сопоставление с документальными источниками, обнаруженными в результате археологических раскопок.

О Ханаане неоднократно упоминается в переписке египетского правительства с вождями и египетскими чиновниками из Сирии и Палестины, сохранившейся в табличках из Телль-эль-Амарны. Иудейские авторы называли ханаанцами своих палестинских предшественников, хотя перечисление ханаанеян в одном ряду с амореями, хеттами, хивитами, периситами, гиргашитами и ебушитами указывает на их осведомленность в исключительной этнической пестроте, характерной для данного района.

Вместе с тем сегодня совершенно ясно, что, несмотря на упоминание в амарнских табличках, в Ветхом Завете «Ханаан» и «ханаанеяне» употребляются как собирательные обозначения всей Палестины до появления там иудеев, а не как названия определенной культурной или этнической группы. Поэтому этническое значение термина представляется второстепенным и скорее относится к семитам, составлявшим основную часть населения и оказавшим определяющее влияние на их культуру и язык.

Фактически этнический термин «аморейцы», употребляемый для обозначения семитского населения Сирии и Палестины во втором тысячелетии, является более удобным, чем «ханаанеяне». Культурное единство Сирии и Палестины, к которому применяется распространённый термин «Ханаан», подтверждается соответствием многочисленных упоминаний о ханаанейской культуре в Ветхом Завете и археологическими находками из различных поселений на данной территории и документальными свидетельствами из Рас-Шамры.

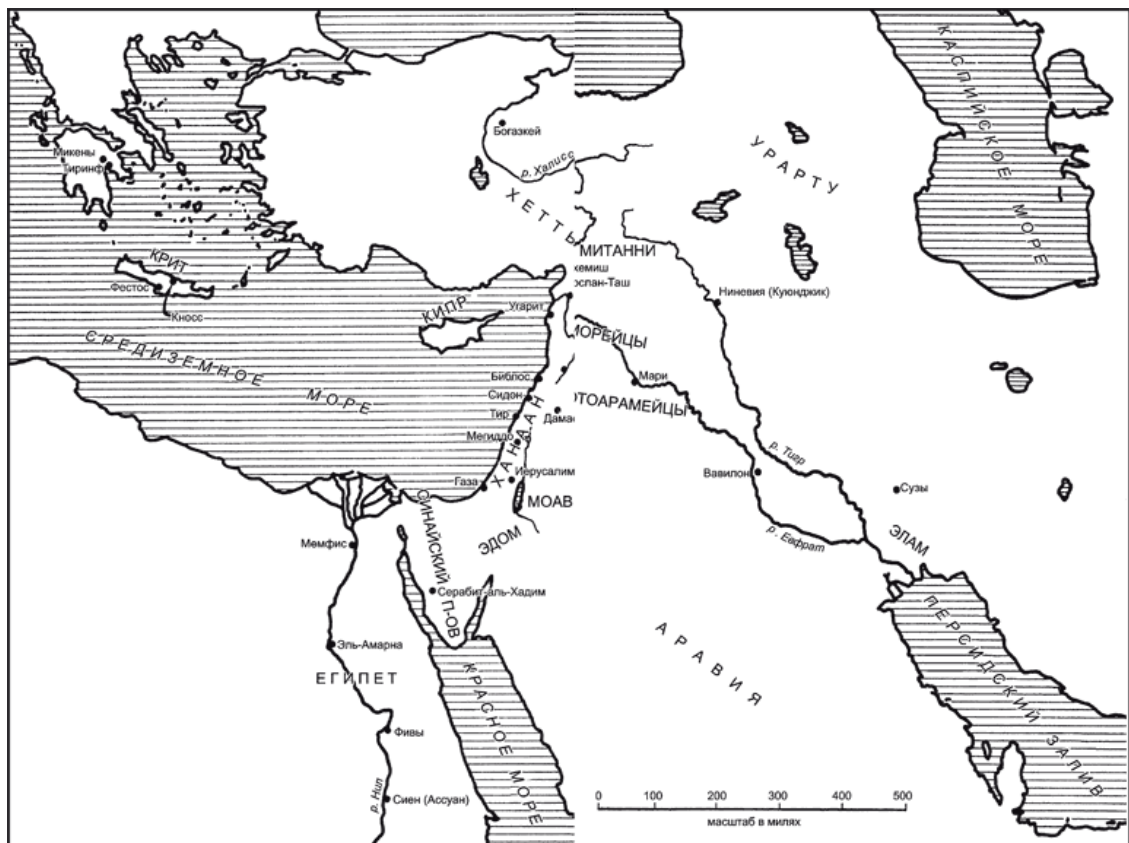

Рис. 1. Карта Ближнего Востока во втором тысячелетии до н. э.

И в Палестине, и в Сирии постоянно искали замену природным ресурсам больших рек, подобных Евфрату, Тигру или Нилу, благодаря которым были возможны орошение, навигация и техника, стимулировавшие развитие культуры в Месопотамии и Египте.

Искусственные водосборные сооружения на западе Сирии и Палестины в период зимних дождей наполнялись водой из облаков, которые рождались дувшим с моря ветром и обильной росой с весны до позднего лета. Восточная часть Палестины находилась в стороне от зоны интенсивных дождей. Постоянный недостаток воды привел к сосредоточению отдельных независимых поселений вокруг местных источников и пригодных для обработки земель, часто изолированных друг от друга из-за различных природных условий.

Жизнь на грани выживания в условиях постоянных угроз засухи, налетов саранчи из пустыни или вторжений кочевников привела к тому, что сообщества выработали устойчивость к внешним воздействиям, но их политическое устройство практически не совер-

шенствовало. В данном районе не могло сложиться сильное государство, охватывающее всю территорию и отличающееся сильной монолитной культурой. Напротив, в данном регионе складывались предпосылки для ассимиляции культур Египта и Месопотамии, Крита и Микен.

По существу, в войне и мире, дипломатии, торговле, средствах сообщения и культуре ханааняне всегда выбирали золотую середину между Месопотамией и Египтом. Данную особенность подтверждают многочисленные археологические находки, особенно результаты раскопок в Рас-Шамре, Древнем Угарите, расположенном на севере сирийского побережья. Политическое влияние Египта и торговые связи с Месопотамией достигают наибольшей силы в конце бронзового века (примерно в 1600–1200 годах до н. э.). Именно уникальное географическое положение на своеобразном культурном перекрестке позволило ханаанянам внести в развитие человечества столь уникальный вклад, как изобретение алфавита.

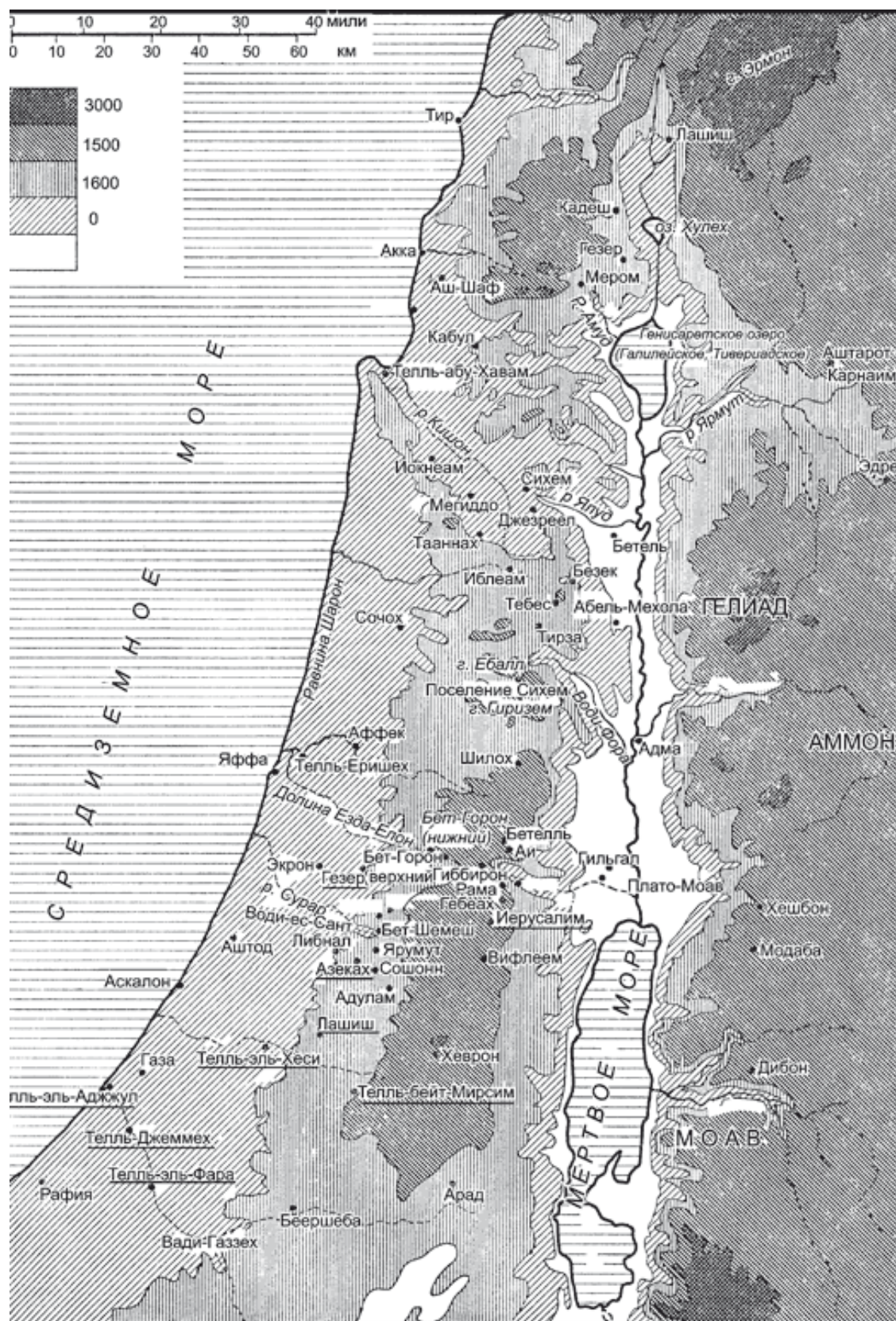

Рис. 2. Карта Палестины во время бронзового века

Превосходный анализ археологических находок, проведенный великим археологом-доминиканцем Л. Винцентом в книге «Ханаан по раскопкам последнего времени» (1900), показал необходимость дальнейших раскопок и привлек к палестинским посе-

лениям внимание археологов. Некоторые поселения, например Телль-эль-Закария, Телль-Джуддейда, Телль-эс-Сандаханна или Телль-эс-Сафи, расположенные на западном склоне гор Иуды, не представляют особого интереса для нашего предмета исследования. Только поселение Телль-эль-Хеси (возможно, Эглон), расположенное на краю прибрежной равнины в 15 милях от Газы, интересно своими курганами, стратификационные датировки которых выделяются сэром Флиндерсом Петри и Ф. О. Блиссом (1891–1893).

Раскопки в Иерусалиме, проведенные с 1894-го по 1897 год, не дали существенных результатов. Гораздо более плодотворными были работы в Телль-Таанеке, Гизе и Мегиддо. Именно на добытых там данных по датировке поселений основывался в своей реконструкции Ханаана Л. Винсент.

После Первой мировой войны, когда была создана научная методика страгиграфической датировки, появилась возможность не только датировать каждый слой, что блестяще делали Ф. Петри и Л. Винсент, но и определять его продолжительность, восстанавливая последовательность развития культуры.

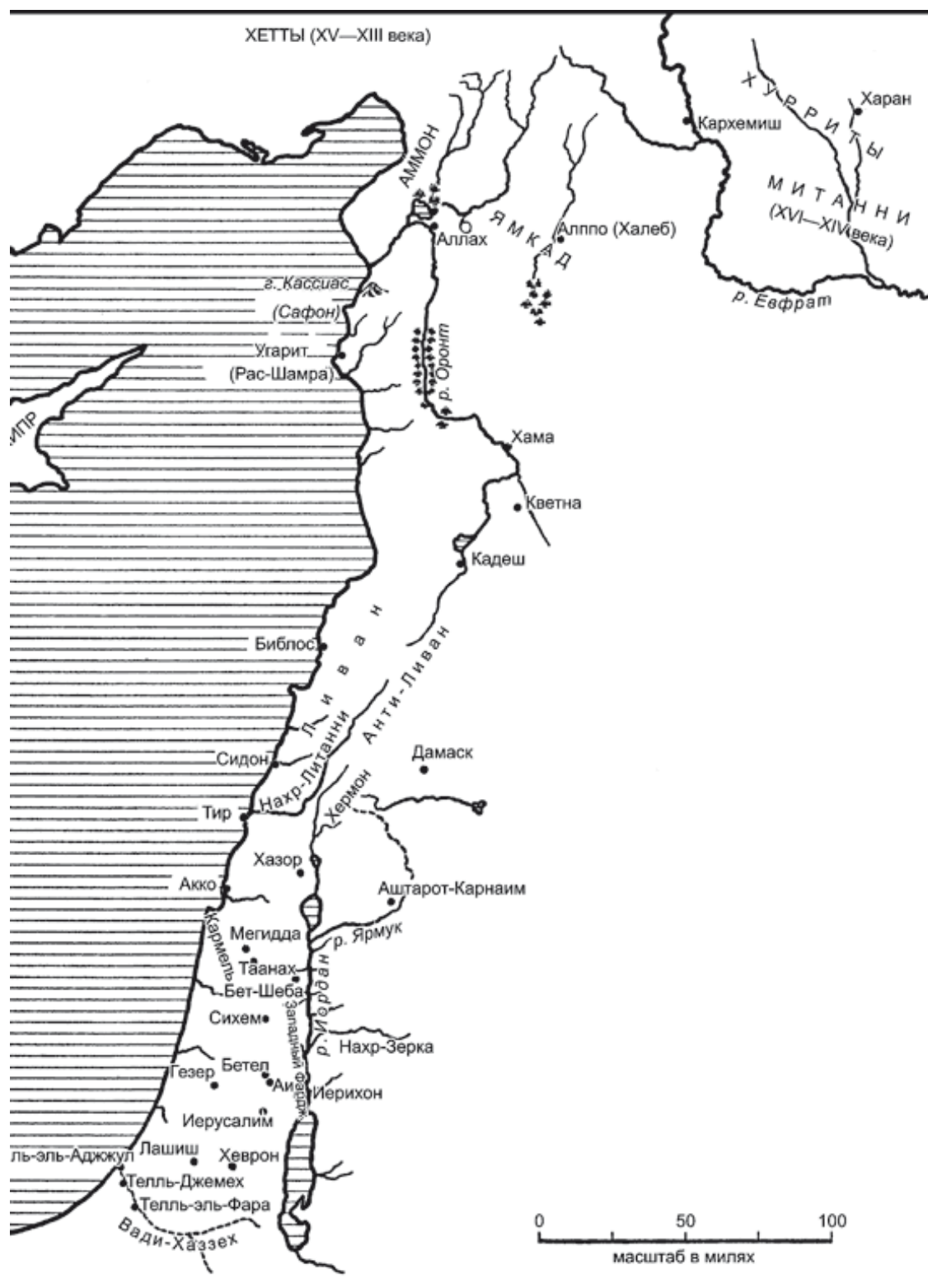

Рис. 3. Карта Ханаана во втором тысячелетии до н. э., основные археологические стоянки

Это привело к значительному расширению поля зрения ученых по сравнению с книгой Л. Винсента. В настоящей работе мы опираемся на весь комплекс имеющихся находок, во многом пересматривая результаты первых раскопок в Палестине. Результаты экспедиций последних лет в Мегиддо, Телль-эль-Аджжуде, Телль-Джеммехе и Телль-эль-Фарра в Вади-Газзехе, Телль-бейт-Мирсима (возможно, древний Кирьят-Сефер, также называв-

шийся Дебиром), Телль-эд-Дувейра (возможно, Древний Лашиш) у юго-западного подножия гор Иуды, Бетеле, Бет-Шане, Иерихоне, Сихеме, Наблус, Яффа, Хайфа и во многих других пунктах Палестины, а также в Библосе и Рас-Шамре на сирийском побережье и в Кветне, Хаме и Атшане (Древний Алалах) в долине Оронта существенно обогатили наши знания о Древнем Ханаане. Начиная с раннего периода, развитие общества на Ближнем Востоке можно легко проиллюстрировать результатами названных раскопок.

Рамки нашей работы ограничены изучением истории и культуры Ханаана во втором тысячелетии до н. э., когда началось проникновение туда израильтян и формировалась финикийская культура последнего дохристианского тысячелетия. Открытия последнего времени привели к пересмотру традиционной точки зрения, принятой после работы Л. Винсента. Занимавшая центральное положение Палестина оказалась провинцией по сравнению с великими городами, расположенными на сирийском побережье.

Если не принимать в расчет египетские документы из Эль-Амарны, которые в основном связаны с политическими событиями, Л. Винсент опирался на материальные свидетельства, которые в данном случае были далеко не полными. Он рассматривал типы крепостных сооружений, жилищ, общественных зданий, например храмов. Посредством анализа различных типов керамики он пытался выявить основные фазы развития культуры на данной территории и установить источники иностранного влияния. Подобная реконструкция была достаточно субъективной, особенно в том, что касалось особенностей внутренней жизни и образа мысли людей.

К счастью, сегодня археологам больше не приходится опираться на догадки. Многие предположения отца Винсента подтверждаются не только данными археологических раскопок, но и более полным представлением о всей истории Ближнего Востока, а также потоком документальных свидетельств, относящихся ко второму тысячелетию.

Линейные алфавитные надписи из Синая и Лахиша, надписи из Шафаат, Баала и Ахирама из Библоса, календарь X века из Хазора, несмотря на краткость записей, имеют высокую ценность как источники. Однако они меркнут в сравнении с огромным количеством глиняных табличек из Рас-Шамры, написанных аккадским слоговым письмом и ханаанитской алфавитной клинописью, которые отражают политическую, социальную, религиозную и литературную жизнь Ханаана в конце бронзового века, особенно на протяжении XIV и XIII веков до н. э.

Вместе с аккадскими табличками из Атшаны они существенно расширяют наше представление о политической ситуации в Северной Сирии, полученное на основе табличек из Эль-Амарны, а также проясняют отдельные аспекты светской и религиозной жизни, сведения о которых в связи с назначением амарнских табличек были достаточно скудными.

Кроме ханаанских источников, пролить свет на политические и культурные контакты этой территории с Месопотамией во времена вавилонского царя Хаммурапи (приблизительно около 1700 года) помогают клинописные тексты из канцелярии города Аморита и египетские надписи. Некоторые из них были известны уже во времена отца Винсента, но с тех пор их дополнили в ходе новых открытий. Прежде всего это заклинательные тексты XIX столетия, которые рассказывают о поселении аморитских племен в стратегически важных центрах Южной Сирии и Палестины, о которых нам известно, что во втором тысячелетии до н. э. они принадлежала ханаанитам.

Все эти письменные свидетельства позволяют реконструировать историю развития ханаанской цивилизации от ее зарождения в конце третьего тысячелетия до н. э. до периода расцвета в XIV–XIII веках. Тексты из Рас-Шамры позволяют воссоздать заключительную стадию ее развития. Их полнота превосходит самые оптимистические ожидания ученых предшествующего поколения. И все же они неполны, поэтому не следует пренебрегать всем комплексом данных, в том числе археологическими находками, сделанными в Сирии и

Палестине. Для получения объективной картины истории Ханаана в середине и конце бронзового века (приблизительно с 2000-го по 1200 год до н. э.) нужно учитывать события, происходящие на прилегающих к нему территориях, рассматривая Ближний Восток как единое культурное сообщество с изменениями, вызванными местными экологическими условиями.

Глава 2

История и район обитания

Ханаан относится к тем районам, в которых издревле пересекалось множество дорог в Египет, Месопотамию и Анатолию; кроме того, через него проходил очень важный торговый путь из Европы в Азию. Прибрежные районы Ближнего Востока были последней населенной землей перед безбрежными пустынями Северной Аравии, откуда ежегодно приходили кочевники-амориты, искавшие свободные пастбища или стремившиеся ограбить удаленные друг от друга поселения, жители которых только что собрали очередной урожай. Скорее всего, амориты расселились здесь в конце третьего или начале второго тысячелетия, образовав в начале железного века, то есть приблизительно в 1200 году, великую конфедерацию арамейских племен. Общее происхождение и постоянные контакты с семитскими племенами, жившими в глубине аравийской пустыни, постепенно привели к выработке общего уклада жизни и нивелированию этнических и культурных различий между отдельными племенами.

В четвертом тысячелетии влияние Месопотамии прослеживается в отпечатках на семитской керамике из Мегиддо, а также в характерной росписи одного и того же периода из долины нижнего Оронта (керамические изделия из Телль-Халафа и Убайды) и из Рас-Шамры (уровни IV и III).

Сложнее установить степень проникновения на запад (в Амурру или Аморитские земли) войск аккадского царя Саргона, которого в Книгах Пророков необоснованно называют покорителем «той земли, где садится солнце и горы сплошь заросли кедром». Скорее всего, в первый имперский период месопотамской истории Саргон пересек узкий перешеек между Евфратом и морем, чтобы добраться до экономических ресурсов Сирии, в связи с чем он и упоминает о кедре, возможно добывавшемся в Аманусских горах, и установил полный контроль над всей территорией.

Косвенно данные события отразились и в эпической поэме о Гильгамеше, где рассказывается о том, как герои убивают Хуаву, дикого стража кедровых лесов. Клинописные таблички XVIII и XVII веков до н. э. из Мари (средний Евфрат) содержат переписку, которую вели правители городов-государств Ямхада (Алеппо), Угарита, Кветны и Библоса с аморитским правителем в Мари. Как важнейший торговый центр в этой переписке упоминается находящийся в Палестине Гезер (Хазор).

О возрастающем влиянии Месопотамии в конце бронзового века свидетельствуют цилиндрические печати с месопотамскими мотивами и сюжетами аккадских легенд, найденные в Рас-Шамре, Кветне, Атшане, Телль-Таннеке, Сихеме и других местах Сирии и Палестины.

Амарнские таблички времени царствования фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV, содержащие переписку с египетскими чиновниками и местными вассалами из Ханаана (около 1412–1378 годов до н. э.), доказывают, что аккадский язык был дипломатическим языком на всем Ближнем Востоке, включая и Ханаан.

Сихемские таблички указывают и на то, что ханаанские правители, возможно, располагали своими собственными писцами, а также учителями грамоты. Об интенсивных связях с Аккадом свидетельствует обнаруженная в Телль-эль-Амарне запись шумерской легенды об Адапе, человеке, обретшем бессмертие, и обнаруженная близ Мегиддо в 1959 году табличка с написанным аккадской клинописью фрагментом эпоса о Гильгамеше. Таким образом, начиная с конца третьего тысячелетия в Ханаане отмечается четкое влияние месопотам-

ской культуры, которая естественно смешивалась с семитским и аморитским субстратами, носителем которого было доминировавшее в обеих областях население.

О египетском влиянии в Ханаане можно судить по материальным остаткам внутри слоев, относящихся к третьему тысячелетию до н. э., в таких поселениях, как Библос, Рас-Шамра, Мегиддо и Аль, а также из египетских погребальных надписей. На протяжении всего второго тысячелетия количество подобных свидетельств неуклонно возрастает.

Интересы Египта были связаны не только с получением бирюзы и определенного количества меди с Синая, но также и кедровым лесом из Ливана. В папирусе Голенищева, где описываются злоключения посланников Египта во время ослабления его влияния (около 1100 года до н. э.), Библос изображен как главный лесной порт. Интенсивность торговли лесом в начале третьего тысячелетия подтверждается медной головкой для топора, принадлежавшей египетскому лесорубу, одному из членов команды корабля. В надписи упоминается Хеопс, строитель великой пирамиды в Гизе. Этот топор нашли в 1911 году близ устья Нахр-Ибрахима (Адонисе классического периода), то есть в районе современного Бейрута.

Предметы из Египта и печать с архаическими иероглифами, найденные под мостовой более позднего святилища в Библосе, указывают на египетское влияние в местном культе богини плодородия начиная примерно с 3000 года до н. э.

Как показывают находки египетских алебастровых ваз периода древних царств во дворце или храме в Аи, контакты с Египтом не ограничивались континентом, простираясь и на острова. Ослабевшее после вторжений из Азии в последние три века третьего тысячелетия, египетское господство в Ханаане вновь установилось в начале второго тысячелетия.

О существовании уже в XII веке дружественных отношений между Угаритом и Египтом свидетельствуют культовые предметы с картушами (орнаментированными надписями, содержащими почетные титулы и посвящения) фараона Сесотриса I (1980–1935) из XII династии, обнаруженные около храма Дагона в Рас-Шамре. К этому же времени относятся два королевских сфинкса с картушем Аменемхета III (1849–1801) и статуи других египетских богов, найденные поблизости от храма Ваала. Скорее всего, это приношения в знак уважения к местным богам, выражающие добрую волю фараона. Вместе с тем монументальные статуи египетских богов должны были вызвать у местных жителей страх перед его силой и великолепием.

Особый интерес представляет сидячая фигура царицы Кхумет-нофр-Нех (Кхумет – «красивейшая», «венценосная»), жены Сесотриса II (1906–1887). Но самым совершенным считается сфинкс другой жены фараона, принцессы Ита, обнаруженный в Кветне примерно в 11 милях к северо-востоку от Хомса.

Профессор Шеффер считает, что обе царицы были местными ханаанскими принцессами, на которых фараон женился из политических соображений и в соответствии с местной традицией, которой следовали и фараоны поздней XVIII династии, что подтверждается свидетельствами на амарнских табличках. О влиянии Египта в Ханаане свидетельствует и множество жертвенных предметов и подарков из золота, обнаруженных в храмах и царских захоронениях в Библосе, относящихся к XIX–XVIII векам до н. э. Примечательно, что и орнамента короны царей Библоса содержит такие типично египетские мотивы, как скипетр и столб, увенчанные изображением королевской кобры. Они символизируют процветание, жизнь, благополучие и незыблемость власти фараона.

Однако не всегда отношения между отдельными правителями Ханаана носили дружественный характер. Они были воинственными вождями, и их приход в Ханаан в конце третьего тысячелетия отмечен разрушенными поселениями, которые обнаруживаются в раскопках по всей территории – в Рас-Шамре, Библосе, Хаме, Бет-Шане, Аи, Иерихоне, Гезере, Ашкелоне, а также в Таанахе и Мегиддо. Отмечены два периода сравнительного затишья – с 2400-го по 2300 год и с 2100-го по 2000 год.

Первым значительным документальным свидетельством, подчеркивающим стремление Египта получить контроль над Ханааном в середине бронзового века (с 2000-го по 1600 год до н. э.), являются две группы надписей, содержащих тексты проклятий. Первую группу составляют надписи иератическим письмом и стилизованными иероглифами на сосудах, которые были разбиты во время совершения обряда проклинания врагов. К сожалению, мы не можем установить место их обнаружения и, соответственно, археологический контекст. Их купили в Луксоре сотрудники Берлинского музея древностей. Палеографическую датировку провел известный египтолог Дж. Позенер примерно в 1850 году.

В этих текстах содержится перечисление врагов Египта, среди которых упоминается ряд вождей и местных правителей из Северной Сирии и Палестины, что свидетельствует не только о заинтересованности египтян в этих землях. Перечисление имен документально отражает этнический состав жителей Ханаана и позволяет установить характер его заселения в самом начале рассматриваемого нами периода.

Кроме того, имена вождей отражают и их верования, поскольку все они теофорны, то есть включают имена богов. По форме они идентичны с аморитскими или протоарамейскими именами кочевников, которые вторглись в Месопотамию из северных арабских степей в конце третьего тысячелетия и сохраняли власть в Вавилоне с 1800 года до н. э. на протяжении правления I аморитской династии.

В основном в них употребляются те же самые наименования и атрибуты богов, что и в аморитских именах Месопотамии того же периода. Они также соответствуют по форме еврейским собственным именам, особенно именам патриархов, обычно принимавшим имена богов или их развернутые определения, соединяя существительное или прилагательное с глагольным предикатом.

Благодаря их именам мы получаем информацию и о группах мужественных аморитов, которые прорвались из североарабских степей на плодородные земли Месопотамии и Сирии, и о тех богах, которым они поклонялись.

По текстам проклятий можно составить представление о политической и социальной организации аморитского населения Ханаана, а также об их переходе в XIX веке до н. э. от родоплеменной структуры к оседлым сообществам – поселениям. В более ранних текстах из Луксора, например, упоминаются несколько вождей, проживавших в одном и том же районе. Так, в Иерусалиме было два вождя, а в Аскалоне – три.

Существование выявленных нами автономных племенных объединений, возникавших в результате постепенного увеличения числа кочевников, четко подтверждается открытием доктора Катлин Кеньон в Иерихоне. Она установила, что захватчики, уничтожившие последнее поселение раннего бронзового века, одновременно применяли не менее пяти различных форм погребения.

Племенная организация, о которой упоминается в луксорских текстах, и личные имена, в которых имена богов соединяются с терминами родства, обозначающими кровных родственников – амму (дядя со стороны отца), хали (дядя со стороны матери) или абу (отец), подтверждает, что ее носители – выходцы из степей Северной Аравии. Отраженные в них социальные взаимосвязи и характер подчиненности и сплоченности внутри родственных групп являются важным фактором для выживания племени в условиях пустыни. Племенные объединения, которые сложились и существовали на территории Ханаана на протяжении всего второго тысячелетия, образовались из представителей разных независимых групп. Множественные различия между ними, так и оставшиеся непреодоленными, а также ограниченное количество плодородной земли следали обитателей Ханаана легкой добычей для таких безжалостных и сплоченных агрессоров, как Израиль и многочисленные арамейские племенные объединения начала железного века (около 1200–1000 годов до н. э.).

Скудная природа аморейских поселений в Ханаане привела к эволюции небольших городов-государств в Сирии и Палестине. После заимствования лошадей и военных колесниц от арийцев в конце XIX века до н. э. их правители превратились в наследственных феодалов, управлявших ханаанцами от имени египтян в составе Нового царства с XVI века до конца нашего периода.

Вторая группа текстов с проклятиями находится на статуэтках, также приобретенных в Каире и неизвестно где найденных. На основании палеографических данных и соотнесения с находками при раскопках аморейских поселений в Сахаре Позенер относит их к 1800 году до н. э. В упоминаемых там теофорных именах редко встречаются ханаанские наименования божеств, за исключением имени Хадад с предикатом, что указывает на ограниченность культа почитанием местных святых, связанных с земледелием. Из мифологических текстов Рас-Шамры известно, что Хадад был богом ветра и плодородных дождей осени и зимы, эквивалентным ханаанскому Ваалу, то есть был главным божеством для крестьянина-земледельца.

Очевидно, что, придя в Ханаан, кочевники превращались в крестьян (феллахов). Залогом успешной обработки земли были согласованные усилия многих людей. Поскольку у каждой общины был свой предводитель, возникала необходимость выработать систему для согласования и разделения их власти. Однако нет свидетельств, что возникали объединения, выходившие за узко территориальные рамки. Похоже, они имели только местный характер.

Действительно, в перенаселенных поселениях, возникших вокруг укрепленных холмов или городах с несколькими поясами глинобитных фортификационных сооружений, заметны следы местных столкновений, которые характерны для всех территориальных образований на земле на всем протяжении их истории. Внутренняя разобщенность и внешняя изолированность из-за постоянной необходимости обороняться от возможного вторжения сдерживали развитие культуры в ханаанских поселениях.

Не всегда удастся определить точное географическое место поселений, упомянутых в текстах проклятий, поскольку названия населенных пунктов неоднократно менялись. Почти наверняка там упоминаются Ашкелон и Яффа, расположенные в южной части прибрежной равнины Палестины; Афек, который, вероятно, располагался в Рас-эль-Айн у истока реки Яркон (Нахр-Аюджа), Акко и расположенный вблизи от него Аш-Шаф; Библос и, возможно, Арка близ Триполи, Фихл (Пелла) на восточном берегу реки Иордан напротив Бет-Шана и Иерусалима, Сихема на возвышенностях внутри Палестины и, возможно, Иион (современный Мердж-Айюн) в Ливане как раз рядом с израильской границей, в котором ведутся крупнейшие археологические раскопки в Палестине. Назовем также Каркар в нижнем течении Оронта в Сирии, а также, возможно, Ярмут, который, может быть, назывался Шефелах. Сейчас археологи определили местонахождение немногим более пятидесяти пунктов.

Названия большей части указанных мест, а также менее значительные поселения, в основном расположенные на равнинах и вдоль западных границ Палестины, известны также по упоминаниям в Ветхом Завете и спискам племен, содержащимся в Книге Иисуса Навина.

На первый взгляд кажется, что поселения были немногочисленны, но ведь некоторые из них, даже такие крупные, как Газа, Мегиддо, Бет-Шан, Иерихон и другие города, расположенные на равнинной части Палестины, не упомянуты в текстах проклятий, хотя по раскопкам известно, что они уже существовали в этих местах. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением некоторых специалистов по библейской археологии, утверждающих, в соответствии с Ветхим Заветом, что в эпоху патриархов, то есть в XIX веке до нашей эры, территория Ханаана была мало населена.

Для Сирии и Палестины конец третьего – начало второго тысячелетия был периодом медленного возрождения после опустошительных аморейских набегов и образования поселений, с которыми связано окончание развития культуры раннего бронзового века.

Яркая картина жизни аморейского поселения, возможно находившегося в Южной Сирии, содержится в египетской повести о приключениях Синухета, вельможи, входившего в свиту фараона Сесотриса I (1980–1935). Попад в опалу после смерти фараона, он был вынужден покинуть Египет. Пройдя через «царские ворота» – цепочку египетских фортов, расположенных на Суэцком перешейке, Синухет стал двигаться на север, перемещаясь от одного племени к другому. Племя, гарантировавшее его безопасность на своей территории, передавало его своему соседу, с которым оно находилось в хороших отношениях. Пройдя долгий и трудный путь, Синухет наконец оказался в поселении своих соплеменников, располагавшемся где-то в степной, восточной оконечности Палестины или Сирии (он называет ее Кедем). Но его описание этой земли, богатой вином и оливками, указывает на то, что она находилась западнее, поскольку в Сирии и Палестине оливки цветут только в зоне средиземноморского климата.

То, что этот район с прекрасными условиями для ведения сельского хозяйства был заселен соплеменниками Синухета, подтверждается текстами проклятий из Луксора. Вот как Синухет описывает эту плодородную землю:

«Это была прекрасная земля, и называлась она Иаа. Смоквы имелись в ней и виноград. Обильнее была она вином, нежели водой. Много имелось в ней меда, масла в изобилии, фруктов разных на деревьях. Имелись там также ячмень и пшеница, не было предела скоту всякому. Сделал он меня вождем племени среди избранных страны своей. Делали для меня кушанья в качестве ежедневного довольствия, вино в качестве ежедневной доли, вареное мясо, жареную птицу, не считая дичи, ибо ловили ее для меня и клали передо мной, кроме того, что приносили мои охотничьи собаки. Приготовлялось мне множество блюд и молоко, сваренное разными способами»².

Плодородные земли и щедрая природа, а также обилие лесов в Ливане делали Ханаан желанной целью для многочисленных захватчиков из Азии. После вторжения кочевников в Первый промежуточный период в конце третьего тысячелетия в интересах собственной безопасности правители Египта держали данный район под своим постоянным контролем. И все же с 1730-го по 1580 год до н. э. Египет пережил вторжение и захват власти кочевниками-гиксосами. Отметим, что этим словом (*hyk khwsht*) в Египте обозначали всех чужеземных правителей независимо от их этнической принадлежности. Анализ керамики и королевских скарабеев этого периода, а также фортификационные сооружения, особенно стены укрепленных городов-крепостей, показывает, что гиксосы, пришедшие в Нижний Египет, относились к тому же этносу, что народы, населявшие Сирию и Палестину.

Было бы естественно объяснить такое политическое движение внешними причинами, но в данном случае материальные свидетельства, которые могут дать разгадку применительно к данному периоду, большей частью оказываются неубедительными. Острые килевидные узоры на керамике нового типа, возможно, указывают на существование металлических прототипов данных изделий, что, в свою очередь, ведет к рудоносным районам Анатолии и Кавказа.

Найденные в королевских гробницах Библоса (XIX век) металлические сосуды явно критского происхождения. Бронзовый пояс с приспособлениями для кинжала из Телль-эль-Фара близ Наблуса и другие находки из Рас-Шамры явно соотносятся с аналогами, обнаруженными на Кавказе.

Самой значительной новацией данного периода, несомненно, стало появление лошади и двухколесной военной колесницы. Полагают, что лошадь, известная в Южной Месопотамии как «осел с Востока», была ввезена на запад индоиранцами. Об этом свидетельствует

² Повесть о Синухете // Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. акад. В. В. Струве. – М., 1963. – С. 46.

ареал распространения скелетов лошадей и остатков колесниц, как установил в своих изысканиях А. Потратц.

Первое появление лошади отмечено в палестинском поселении, относящемся к хальколитическому периоду (четвертому тысячелетию до н. э.), в Хорват-Бетере (Бер-Шеба), но нельзя с уверенностью сказать, что это животное было одомашнено. Потом лошадь появилась в погребениях Телль-эль-Аджжула и Иерихона, относящихся к периоду гиксосов. Аналогичные погребения, относящиеся к третьему тысячелетию до н. э., обнаружены в Южной России и на Кавказе, а воинские погребения первого тысячелетия с лошадьми и колесницами, распространенные в Южной России и Восточной Европе, ассоциируются с миграцией арийцев.

В египетских документах лошадь впервые упоминается в надписи об изгнании гиксосов в гробнице одного из представителей знати, который был участником освобождения. Впервые разведение лошадей в Египте началось с XVIII века в большой Средней королевской крепости Бухена в Судане как раз перед вторжением гиксосов.

Э. Анати убедительно доказывает, что использование лошади и легкой двухколесной колесницы началось в безлесных степных районах, таких, как степи Южной России или иранское плато, откуда, как он считает, происходят гиксосы, чьи характерные оборонительные сооружения, насыпные валы с брустверами и рвы четко соотносятся с земляными сооружениями с севера Сирии и Анатолии.

Огромные земляные валы вокруг поселений периода гиксосов в Телль-эль-Яхудийе в дельте Нила имеют общие черты с укрепленными стоянками, встречающимися в степях Туркестана.

Обнаружение гласисных укреплений с останками лошадей в Бухене, относящихся к периоду до прихода гиксосов, корректируют выводы Эмери о начале коневодства в Египте. Хотя возможно, что появление лошадей связано с наемниками с севера, нанятыми соперничающей знатью в Египте в конце периода Среднего царства.

Кроме того, следует учесть и тот факт, что имеющиеся в египетских текстах названия колесницы (*writ*) и ее оборудования явно арийского происхождения. В тексте, посвященном выезде лошадей из столицы хеттов Богазкея, перечислены повороты (*wartana*), которые следует сделать при прохождении дистанции. Указывающие их порядковые числительные имеют соответствия в санскрите: *aika* (санскр. *eka* – первый), *tera* (санскр. *traya* – три), *pana* (санскр. *panca* – пять), *satta* (санскр. *sapta* – семь), *nawa* (санскр. *nava* – девять).

Сказанное позволяет предположить, что в конце XIX века население Сирии и Палестины было разбросано и не имело постоянных поселений из-за вторжений индоиранцев с запада. Как известно, как раз в это время они основали царство Митанни, расположенное между верхним Тигром и Евфратом, и проникли в Северную Сирию.

Другая часть населения, жившая в северной части Месопотамии и у подножия Анатолийских гор, была завоевана арийцами или вытеснена ими, после чего стала основной составляющей населения Сирии. Подтверждение находим в текстах из Рас-Шамры, относящихся к XIV–XIII векам до н. э., где содержится словарь хурритских слов, а также в табличках из Эль-Амарны, где перечислены хурритские имена военачальников и обслуживающего персонала дворца.

Весьма вероятно, что появление этих заимствований в сирийском языке связано с проникновением в дельту Нила. Тактическое преимущество, вызванное появлением высокоподвижных колесниц, позволило им начать захват этого района, где египетское влияние начало ослабевать.

Однако аморейцы из Ханаана представляли собой вполне боеспособную силу и, движимые инстинктом самосохранения, вовсе не были склонны пропустить через свою территорию иноземцев для набегов на дельту. В конечном счете, как показывают имена на скара-

беях правителей гиксосов (например, Йягобхар и Анатохар), аморейцы узурпировали власть, возможно в результате династических браков внутри арийской и хурритской военных каст.

Главными результатами этой фазы истории в жизни ханаанцев стало установление феодального строя с армией, состоящей из кавалерии и отрядов боевых колесниц. С ее помощью правители городов-государств Сирии и Палестины создавали класс феодальных баронов разной степени влияния, которым они раздавали наследуемые феодальные поместья и привилегии.

Существование подчиненной царю военной иерархии четко подтверждается юридическими текстами из канцелярий Атшаны и Рас-Шамры (Северная Сирия). В X веке она была принята и развита правителями Иудейской монархии. Однако из-за существовавших в семитских племенах традиций военной демократии ее введение вызывало определенные сложности. Прежде всего они проявлялись в процессе вхождения укрепленных городов Ханаанской равнины в систему феодального общества.

В 1580 году основатель XVIII египетской династии фараон Ахмес разбил армию гиксосов в дельте Нила, а затем захватил их столицу Аварис и выгнал из нее чужеземцев, которые ушли на север и на три года осели в Шарукане (возможно, Телль-эль-Фара в Вади-Газзах).

В течение следующего столетия египетская армия совершала постоянные вылазки в Палестину и Сирию и даже доходила до Евфрата. Здесь они столкнулись с армией королевства Митанни. Это высокоорганизованное государство, где арийская аристократия управляла хурритскими подданными, долго стремилось к установлению контроля над Северной Сирией вместе с Египтом, пока само не пало жертвой вторжения хеттов в 1360 году.

Одновременно с этим правители Ханаана не упустили возможность захватить власть в свои руки в связи с ослаблением влияния Египта. В 1479 году до н. э. правители 330 поселений объединились под командованием правителя Кедеша, собрали войско в Мегиддо и выступили против фараона Тутмоса III. Однако фараон разгадал их намерения, египетские войска прорвались к Мегиддо через прибрежную равнину, разбили ханаанцев и осадили город. Многие вожди убежали или пали в сражении. Благодаря мощи гиксосских укреплений осада Мегиддо продолжалась несколько месяцев.

Об этой победе мы знаем по летописи Тутмоса III из карнакского храма в Фивах. На кожаных свитках находится список захваченных египтянами палестинских поселений, большая часть которых упоминается в Ветхом Завете. В результате похода были захвачены большие трофеи. Только в храм Аммона фараон передал 1598 рабов из Сирии. Количество захваченного имущества свидетельствует о том, что под властью гиксосов в Ханаане существовала высокоразвитая культура. В списке трофеев указаны драгоценные сосуды из серебра и золота, стулья, изготовленные из ценных пород дерева, резные изделия из черного дерева и слоновой кости, оправленные в серебро и золото, и изысканная статуя одного из ханаанских вождей.

Несмотря на плодородные почвы в Сирии и Палестине и частые опустошения городов войсками фараона, в Рас-Шамре обнаружены позолоченные сосуды, оправленные в золото и резную кость. Фигурки из серебра и бронзы данного периода в Рас-Шамре подтверждают высокий уровень развития культуры в Мегиддо.

Одним из последствий данной кампании было то, что фараон взял ряд вождей и их родственников в Египет в качестве заложников. Однако за оставшиеся 32 года своей жизни он совершил еще шестнадцать вылазок в Палестину. Постоянные упоминания о перемещении в Египет огромного числа местной знати в египетских надписях, рассказывающих о походах, подтверждают, что заложничество было частью постоянной политики наследников Тутмоса III – Тутмоса IV и Аменхотепа II. В то же время оно свидетельствует о сильном стремлении Ханаана к освобождению от египетской власти, побуждающей к постоянным вторжениям в Митанни и Верхнюю Месопотамию.

Вместе с тем с заложниками обращались в соответствии с их достоинством, и их опыт оказал благотворное влияние на развитие египетской цивилизации. Некоторые представители палестинской знати добились высокого положения и пользовались в Египте уважением, подобно библейскому Иосифу.

О степени влияния египтян на жизнь ханаанейцев можно судить по тому факту, что после похода в Северную Палестину и Южную Сирию Аменхотеп II (1448–1420 до н. э.) отмечает высылку в Египет 217 старейшин из Ретену (современной Палестины), 184 братьев вождей, 30 625 царских людей (то есть ремесленников, получавших земельные наделы под условием службы по своей профессии – кожевники, ткачи, кузнецы, плотники, шорники, ювелиры), 3600 апирв (хапиру, свободных земледельцев или торговцев) 15 200 шасу (кочевников), 36 300 кхурру (хурритов, то есть сирийцев несемитского происхождения) и 10 600 жителей Н'г'с (район Лаиша на побережье Оронта к северу от Хаматты).

Однако, несмотря на постоянные набеги египтян, их влияние в Ханаане неуклонно падало. Вскоре фараонам некого было выводить на битвы, и в египетской армии служили наемники из Нубии и «морские люди», то есть жители островов Эгейского или Средиземного моря, родственные палестинцам.

В период правления Аменхотепа IV (Ахнатеп) постоянные преобразования этого непрактичного идеалиста привели к росту напряжения в самом Египте, а провинции ввергли в анархию. Данный факт легко подтверждается дипломатической перепиской того времени между египетскими наместниками из Сирии и Палестины с канцелярией в Телль-эль-Амарне, новой столице Египта, где в 1880 году были найдены знаменитые амарнские таблички. Около 300 документов, написанных аккадской силлабической клинописью, охватывают царствования Аменхотепа III (1411–1375) и Аменхотепа IV (1375–1358). За исключением переписки с царями крупных государств, таких, как Вавилон и Митанни, которых Аменхотеп III заверяет в своем «сердечном расположении», документы содержат важную политическую информацию о положении в Ханаане. Названия большинства ханаанских городов уже знакомы по более ранним текстам проклятий.

Мы уже отмечали политическую автономность Ханаана, ставшую результатом территориальной и национальной раздробленности отдельных поселений, сложившейся в результате постепенного заселения в благоприятных местах независимыми аморейскими племенами и племенными конфедерациями. Эта разобщенность в полной мере находит отражение в амарнских табличках. Например, правитель Библоса Рабадди, самый преданный из египетских вассалов, обвиняет владыку Амарру (внутренняя Сирия) в нелояльности и двуличности, он также жалуется, что наместник Акко заслуживает особой милости фараона за свою преданность Египту. Правитель Тира, который в то время был островной крепостью, жалуется, что наместник Сидона лишил его город воды. Владыка Мегиддо обвиняет наместника Сихема во враждебности и в том, что он нелоялен по отношению к Египту. Правитель Иерусалима пишет о враждебности одного из своих ближайших соседей, наместника Милкилу, возможно современного Айджалона, по территории которого проходил главный путь от Иерусалима к побережью. Видимо, отсутствие политического единства среди ханаанитов облегчило расселение евреев в конце XIII века.

С помощью данных текстов великолепно можно показать реакцию местных жителей на власть фараона. В самой изысканной форме они выражают свой протест. Так, правитель Бейрута, обращаясь к вышеназванным адресатам, пишет:

«Правителю, господину, моему солнцу, моему богу, дыханию моей жизни... твой раб, недостойный грязи под твоими ногами. Я семь раз кланяюсь моему господину, семь раз прочитал я слова моего господина, моего царя, моего солнца, дыхания моей жизни, и всем сердцем я, недостойный раб твой, лижу пыль от твоих ног, солнце мое, жизнь моя, переполняе-

мый радостью оттого, что милостивый взор твой и дыхание твое снизошло до преданного раба твоего, лежащего в пыли у ног твоих.

Царю, моему господину, скажи – так говорит Абдимильки, человек из города Шахшими, твой раб. Семижды и семижды я падаю ниц к стопам царя, моего господина»³.

Однако фараона нелегко было ввести в заблуждение. Он не поддавался на лесть и открыто угрожал правителю Амарру, который, похоже, вынашивал сепаратистские планы. И действительно, за угрозами последовало соответствующее наказание, один правитель Амарру был заточен в Египте.

Хотя формально ханаанейские правители признавали власть Египта, ситуация постепенно осложнялась. Излишняя жесткость и непомерные ежегодные подати приводили к постепенному росту недовольства. Этим не замедлил воспользоваться хитрый и изворотливый хеттский правитель Суппилиумас. Он смог убедить аморейских вождей из Азиры и Абди-Аширты принять его покровительство. В обмен он требовал вдвое меньшую дань, чем Египет. В амарнских текстах говорится о том, что ему платил дань король Угарита, а в отдельных набегах он добирался даже до Библоса.

Его основную силу составляли подвижные и потому неуловимые отряды воинов, состоявшие из хапиру – безземельных наемников. В египетских документах они обозначаются аккадской идеограммой SA.GAZ. Сведения из амарнских табличек, согласующиеся с документами, найденными в столице хеттов Хаттусасе (современный Богхазкей) и недавними свидетельствами, полученными из табличек Рас-Шамры, а также документов XV века из Атшаны (Древнего Алалаха), позволяют отождествить их с движением хапиру.

Иногда отряды хапиру действовали по своей собственной инициативе, но в Сирии они, как правило, становились наемниками аморейских вождей, боровшихся за независимость. Из осторожности многие из аморейцев прикидывались преданными вассалами Египта, как, например, Намиаваза, царь Убу (Дамаска), который не упускал возможности использовать хапиру в своих интересах.

В Палестине сложилась наиболее критическая ситуация. Племена не стремились к сплочению для совместной борьбы против Египта. Самые могущественные правители, вроде Абди Тишри, царя Хацора, или Лабайи, царя Сихема, открыто стремились к независимости. По мнению Гинсберга и Майслера, союзы заключались по национальному признаку. Так, Лабайя, чье имя выдает хурритское происхождение, стремился к союзу с Милилу, правителем Аджалона, явно аморейского происхождения. В египетских документах неоднократно говорится о том, что они объединились и тайно поддерживали хапиру.

На самом деле Лабайю упрекали в том, что он «уступил хапиру часть своих поселений», то есть разрешил им поселиться на части своей территории, где-то близ Сихема, не мешая грабить соседние племена. Сходная ситуация описана в библейском рассказе об Иакове (Быт., 33: 18–20, 34) который также поселился в Сихеме. Вместе со своим союзником Милилу Лабайя направился на юг и вторгся на территорию Газру (возможно, Гезер), Ашкелона, Лаиша, добравшись до степей Южной Палестины, то есть почти до пустыни Негев. Но эти племена действовали поодиночке, так и не создав общего войска.

Поскольку набеги совершались исключительно с целью грабежа, правители предпочитали действовать поодиночке, чтобы ни с кем не делиться добычей. Правителя Акко Зутатну обвиняли в том, что в Хинатуни он ограбил вавилонский караван, пришедший по древнему «пути к морю» из через Нижней Галилеи в долину Акко. Япахи из Гезера жалуется на то, что его брат поднял восстание и пригласил себе на помощь хапиру. Лабайя осадил крепость Мегиддо, но был захвачен ее королем Бирудой, который передал его Зурате, царю Акко,

³ Хрестоматия по истории Древнего Востока. – М., 1963. – С. 281.

чтобы тот переправил пленного в Египет. Однако Зурата освободил Лабайю за выкуп, чтобы пополнить свой оскудевший бюджет.

Действия правителей могут показаться низкими и даже отвратительными, но сообщения о них содержат множество важных сведений. Это и перечни палестинских поселений, и имена их правителей и старейшин, по которым мы можем судить о сложном этническом составе населения Ханаана после вторжения гиксосов.

Особенно примечательно то, что хапиру, которые на протяжении второго тысячелетия до н. э. во всех частях Ближнего Востока были либо наемными солдатами, либо ремесленниками, в Палестине действовали как самостоятельная сила. О серьезности исходящей от них угрозы говорится в переписке Абди-Хиппы, вероятно тогда являвшегося верноподданным правителем Иерусалима.

Сведения, содержащиеся в амарнских табличках, позволили некоторым ученым отождествить хапиру с иудейскими племенами, совершавшими свои набеги на Палестину. По нашему мнению, для подобного сближения нет оснований. Несмотря на то что мы признаем, что хапиру подчинили себе обширные территории и обложили их население поборами, они представляли собой не народ, а социальную группу семитского происхождения, пришедшую из восточных степей исключительно с целью наживы. Они могли бы легко объединиться с другими семитскими племенами, уже жившими в Палестине, такими, как Якуб-эль и Иосеф-эль, о которых в документах времени Тутмоса III говорится как о жителях Сихема.

Возможно, какая-то часть хапиру, о которых упоминается в амарнских текстах, действительно осела в Палестине и впоследствии влилась в еврейский народ. Но отсюда вовсе не следует, что они составляли большинство еврейских переселенцев, о которых говорится в Библии в связи с историей Иосифа.

Анализ археологических свидетельств из поселений, расположенных в Палестине, раскопки, проведенные в Трансиордании, и большинство упоминаний в Библии позволяют предположить, что основное переселение произошло не менее чем через столетие после времени, описываемого в документах из Эль-Амарны.

Амарнские таблички и другие документы того же периода из Танааха и Сихема, расположенных в Палестине, а также современные им административные тексты из Рас-Шамры показывают широкую этнографическую пестроту руководителей племен. На амарнских табличках встречаются имена аморейские (Муббалу, Милкилу, Шаммуадда), индоиранские (Шувардатта, Ясрдатта, Рукманья), хурритские (Видия, Таддуа, Абди-Хиппа (в этом имени вторая часть является именем хурритской богини)).

Впервые об арийцах на Ближнем Востоке упоминается в клинописных текстах, найденных в хеттской столице, расположенной в Богазкее. Условия договора между Суппилулиумасом и Маттуваттасом из Митанни скреплены именами митаннийских богов Митры, Индры, Варуны и близнецов Насатья. Все эти имена известны по ведическим текстам.

Столицей государства Митанни, расположенного в Верхней Месопотамии, был город Вашшукканне, находившийся где-то в верховьях реки Хабур. Хурритское население этого государства было подчинено арийской военной аристократии. По-видимому, митаннийцам удалось возглавить воинственное объединение Хурри и подчинить всю Верхнюю Месопотамию. Следует отметить, что хурриты представляли собой объединение разноэтнических племен.

Скорее всего (но это лишь обоснованное предположение), начало объединения связано с хурритским племенем маиттанн, обитавших где-то к востоку от краевых хребтов Иранского нагорья в холмистой низменности близ озера Урмия. Соприкоснувшись с индоиранскими племенами, они переняли от них использование легких боевых колесниц, дававших им военное преимущество.

Колесничие, марианне, действительно составляли ядро митаннийского войска, но сами оставались такими же зависимыми царскими людьми, как и любые другие служащие в государствах Ближней Азии второго тысячелетия до н. э., то есть позднего бронзового века. Само слово «марианне» связывают с индийскими «*maria*» (молодой человек, герой), в ведах *maria*s были возникшими, находившимися в распоряжении бога Индры. Имена вождей марианн хорошо известны в табличках, найденных в Атшане и Рас-Шамре.

В египетских документах XVIII династии марианне упоминаются как военнопленные, захваченные в ходе сирийской кампании, и как наемные солдаты, в основном возчики колесниц. Среди имен, обозначенных на амарнских табличках, найденных в Палестине, девятнадцать очевидно семитского происхождения и только три или четыре, возможно, хурритские.

Имеющиеся источники не позволяют установить удельный вес несемитских элементов в общей массе населения Ханаана. Возможно, они были верными Египту вассалами, владевшими ключевыми поселениями. В том случае, если египетские власти сомневались в преданности какого-либо из местных правителей, его родственники вывозились в метрополию в качестве заложников.

Об этнической пестроте населения Палестины позднего бронзового века свидетельствуют и тексты Ветхого Завета. Наряду с семитскими «ханаанейцами и аморитами» там перечисляются хетты, хивиты (в Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета, они названы хурритами), периситы, гиргашиты и, возможно, йебушиты.

В клинописных текстах из Месопотамии хурритские имена почти всегда связаны с государством Митанни. В хеттских текстах из Богазкея говорится, что хетты пришли в Сирию откуда-то из окрестностей озера Ван, находящегося в Армении. Хурритские имена выделяются и в текстах из Киркука и Нузы, расположенных в 150 милях севернее Багдада, и в современных им амарнских табличках, и в документах из Таанаха и Сихема, расположенных в Палестине.

Хурритские тексты и словарь, обнаруженные среди табличек из Рас-Шамры, а также деловая переписка показывают их возросшее влияние на систему власти в Ханаане. Необходимо отметить, что хурритские элементы обнаруживаются по всей территории данного региона от Сирии и долины Оронта вплоть до границ с Палестиной, но особенно многочисленны они на севере.

На связь с теми хурритами, которые, согласно Ветхому Завету, населяли Палестину и Эдом до прихода туда евреев, указывает египетское наименование Палестины Кхару, открывающее интересные возможности для новых предположений.

Несмотря на упоминания о хеттах в библейских описаниях доиудейской Палестины, нет никаких исторических свидетельств о том, что исторические хетты, которые в конце третьего тысячелетия перешли в Анатолию, видимо через Босфор, и правили в Малой Азии с 1900-го по 1200 год до н. э., когда-либо достигали Палестины.

Даже около 1370 года, когда Хеттское государство достигло пика своего развития при правителе Суппилуллиумасе, его пределы не распространялись дальше южной части Сирии, о чем свидетельствуют амарнские таблички и египетские записи времен XIX династии. Ветхозаветных хеттов следует рассматривать не как географическое понятие, а как этноним, обозначающий народность несемитского происхождения, жившую где-то к северу от Ханаана. Вполне возможно, что ею могли быть и хурриты.

Существует множество документальных свидетельств, особенно полученных из Египта, что в амарнский период и в последующее столетие под видом египетских, хеттских или ливийских купцов по всему Леванту постоянно передвигались наемники (*Srdnw*, *Lwkw*, *Akhws*), ищущие работодателей.

Постоянную активность хеттов можно объяснить тем, что как раз в это время их начали вытеснять из Анатолии. Время от времени они появлялись в Сирии и Палестине как наем-

ники, охранявшие местных купцов, что частично подтверждается кремационными погребениями в Атшане, Хаме, Иерихоне и Телль-бейт-Мирсима. Во всех этих местах халколитический погребальный обряд был редкостью.

Но в конце XIII века филимляне и родственные им племена захватили почти все сирийское побережье, прежде чем в начале XII века были остановлены в Южной Палестине Рамзесом III, где из них комплектовались местные гарнизоны. По мере продвижения филимляне уничтожили такие центры ханаанской культуры, как Рас-Шамра и Библос.

Вряд ли ханаанцы становились чиновниками в египетской администрации. В амарнских табличках перечислены только вожди наиболее крупных племен. Вероятно, египтяне не доверяли ханаанским правителям и постоянно подозревали их в нелояльности, поскольку не колеблясь депортировали их вместе с семьями. Все вышеизложенное показывает, что упоминаемые в амарнских табличках представители несемитских народностей составляли феодальную верхушку и, возможно, находились в меньшинстве. Данный вывод подтверждают результаты исследования административных текстов из Рас-Шамры, по времени совпадающих с амарнскими табличками, проведенные профессором М. Ноттом.

Распределив документы по провинциям и названиям поселений, Норт попытался выявить социальное положение, окружение и круг обязанностей носителей упоминаемых в них имен. М. Нотт показал, что несемитские имена, в основном хурритские, доминируют в военной, дипломатической и официальной переписке правителя, а в дворцовых хозяйственных документах преобладают имена семитского происхождения.

Совершенно аналогичное распределение наблюдается и в юридических табличках из Таанаха и Сихема, составленных примерно через столетие после амарнских табличек, где примерно на сто семитских имен приходится лишь несколько несемитских.

Разыскания М. Нотта подтверждают, что основную часть населения Ханаана составляли семиты. Несемитское меньшинство состояло из арийских и хурритских наемников, которые пришли на данную территорию в период владычества гиксосов. Они переняли от кочевников приемы ведения войны, использование боевых колесниц и кавалерии. Введение всех названных новшеств и позволило им добиться своего привилегированного положения.

Возможно, наплыв хеттских наемников и представителей правящего класса привел к возрастанию митаннийского влияния в Ханаане в конце амарнского периода. Важно отметить, что огромное число цилиндрических печатей из Палестины, относящихся к этому времени, имеет рисунок митаннийского происхождения. Однако данные печати принадлежали крупным чиновникам и государственным служащим, которые составляли меньшинство.

Сведения, содержащиеся в амарнских табличках, показывают слабость власти Египта на захваченных им территориях. Гарнизоны, оставленные в стратегически важных пунктах, были немногочисленными. Местные правители то и дело обращались с просьбами о присылке дополнительных солдат. Обычно их присылали небольшими группами, численность которых колебалась от десяти до пятидесяти человек. Очевидно, что они предназначались лишь для обеспечения бесперебойного сообщения с метрополией, чтобы вовремя получить известие о готовящейся крупной вылазке. Показательно, что на многократные обращения Рибадди, египетского наместника в Библосе, следовали ответы: «Защищайтесь своими силами!»

Только во время XIX династии, в период правления фараонов Сети I (1313) и Рамзеса II (1292–1225), предпринимавших постоянные набеги на Ханаан, военное присутствие Египта в данном районе усилилось, о чем весьма подробно говорится в переписке с правителями.

Писец Хори, который был прикомандирован к кавалерии Рамзеса II, подробно, с чисто чиновничьей дотошностью описывает маршрут, по которому египетская армия двигалась через Палестину, называет пункты снабжения провизией в приграничном с пустыней районе. Он также описывает многочисленные опорные пункты, построенные вдоль главных

дорог, приводит их названия – Газа, Яффа, Сихем, Мегиддо, Бет-Шан, Табора, Гезер, контролировавшие основные переправы через верхний Иордан, называет основные города в прибрежной долине Галилеи – Ашхапах и Акко, а также несколько других поселений, точное географическое положение которых еще не установлено.

Особенно детально он описывает трудности, которые преодолевала египетская армия во время похода в Палестину, узкие проходы, где приходилось разбирать колесницы и перевозить их на вьючных животных, скалы, которые разрывали на части сандалии, колючки, которые рвали одежды, и скудную растительность, которая не укрывала воинов от нападений.

Кочевники постоянно нападали на египетскую армию, воровали животных, по ночам совершали набеги на лагерь. Писец не упускает и любовные приключения солдат, которые разбивали лагерь около городов. Нарушая дисциплину, солдаты посещали публичные дома, рискуя собственной жизнью. Приведенное описание показывает, что население Ханаана постоянно стремилось к независимости, что не могло не ослаблять власть и без того непопулярных египетских наместников.

Рис. 4. Критский глиняный черепок, начало XVIII века до н. э. из Рас-Шамры (по Шефферу)

В начале второго тысячелетия в Ханаане появляются критские изделия. Обнаруживший их в Рас-Шамре немецкий археолог К. Шеффер считает, что возможно, были и более ранние контакты с жителями средиземноморских островов. В текстах из Рас-Шамры Крит (kptr) ассоциируется с Египтом как родиной искусств. На самом деле именно сирийское побережье было зоной живых контактов между этими ранними центрами искусства (рис. 4).

В XVI веке до н. э. в Ханаане начала распространяться керамика, форма и техника изготовления, орнамент и роспись которой копировали микенские изделия, что указывает на наличие стабильных торговых связей. Действительно, к этому времени относятся микенские торговые поселения в Минет-эль-Бейда, гавани Рас-Шамры и Телль-абу-Наваме, расположенные в устье реки Кишон около современного города Хайфы, который упоминается в источниках начиная с XV века до н. э.

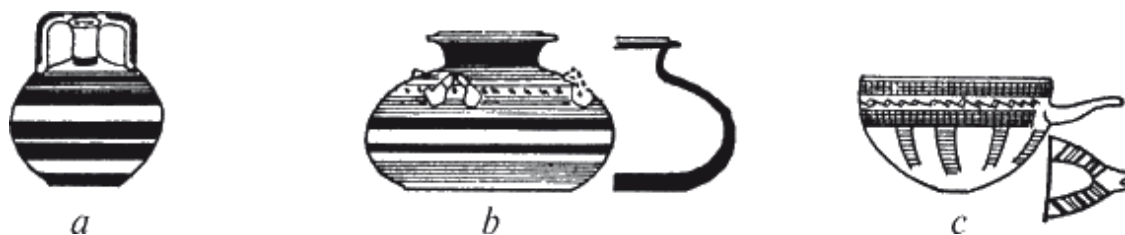

Рис. 5. Разновидности эгейской керамики, микенская и кипрская, поздний бронзовый век, Ханаан (по Барруа)

Поселение с искусно возведенными купольными гробницами со стрельчатыми сводами явно микенских очертаний свидетельствует об усиливавшемся эгейском влиянии в этом районе. Кроме производства вина, оливкового масла и пурпурного красителя оно оказалось удобным перевалочным пунктом для вывозимых из Анатолии металлов. Его часто посещали также и купцы из Месопотамии, заинтересованные в перечисленных продуктах, а также в меди из Кипра и Тавра, равно как и в других товарах из Египта и Эгейского региона (рис. 5, 6, 7).

Сам Кипр, хорошо видимый с сирийского побережья в ясный день, был зоной притяжения для ханаанцев. Начиная с 1550 года изделия кипрских мастеров часто встречались как во внутренних районах, так и в прибрежной части Ханаана, благодаря чему можно говорить о постоянном взаимодействии двух культур.

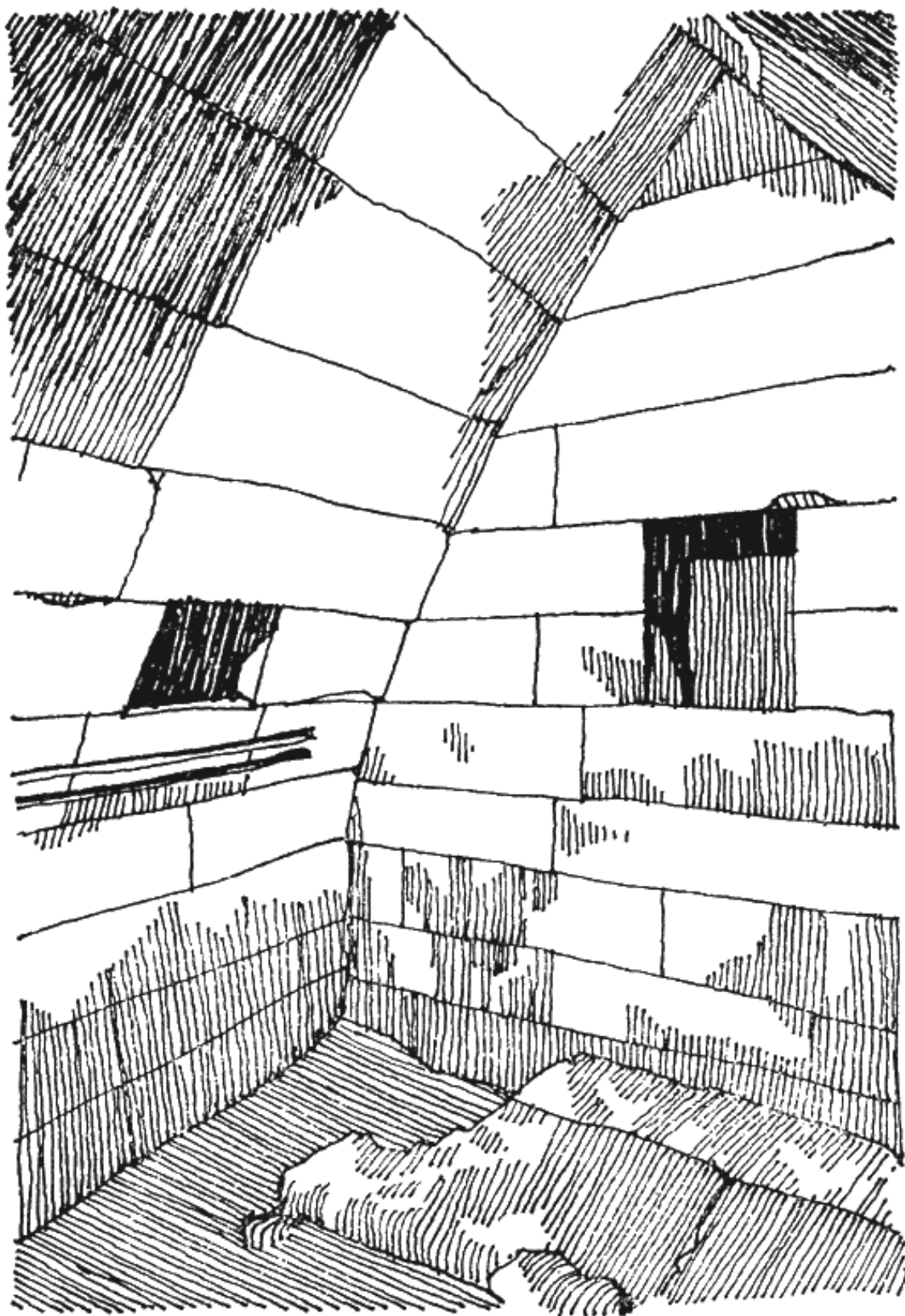

Рис. 6. Ступенчатая сводчатая семейная гробница в Минет-эль-Бейде в Рас-Шамре. Поздний бронзовый век (по Шефферу)

Походы Сети I и Рамзеса II были прежде всего направлены против хеттов, которые в 1460 году прошли через горы Тавра и захватили Алеппо. Возраставшая к концу XIV века

слабость Египта привела к тому, что затем хетты перешли от дипломатических действий к вооруженной агрессии против Палестины.

Чтобы установить более тесный контроль над Ханааном, главный административный центр Египта переместился из Фив в дельту Нила, где на месте старой гиксосской столицы Авариса был построен Пи-Рамесс (Танис, библейский Рамзес или Зоан). Как и раньше, Ханаан стал ареной интриг и междоусобиц, соперничающих друг с другом группировок.

Рис. 7. Вход в ступенчатую семейную гробницу в Минет-эль-Бейде в Рас-Шамре. Поздний бронзовый век (по Шефферу)

Проводя постоянные походы, Сети и Рамзес старались избавляться от местных правителей, подозреваемых в нелояльности к Египту. Вместе с тем они старались привлечь на свою сторону ханаанейских купцов. Данные, содержащиеся в египетских папирусах и надписях, показывают, что в это время возникли и развились ханаанейские поселения в Нижнем Египте. Назовем такие места, как Баал-Сафон и Мигдол в восточной части дельты Нила.

Раскопки, проведенные в поселении Пи-Рамесс (Сат-эль-Хагар), показывают достаточно высокую плотность ханаанейского населения в Нижнем Египте и даже некоторое проникновение ханаанейской культуры в культуру и религию египтян. Так, например, Рамзес II именует себя «другом Анат и Быком Сета».

Анат была ханаанейской богиней любви и войны, Сет представлял собой египетскую версию ханаанитского бога Ваала. Скульптуры ханаанейских божеств Ваала, Решефа, Ашера, Аната, Астарты и Хорона встречаются при раскопках по всему Нижнему Египту.

Несмотря на враждебность ханаанитов и постоянную активность неутомимых хапиру, главным врагом фараона Сети оставались хетты. Об этом свидетельствует надпись на каменной стеле 1313 года из Бет-Шана. Впервые войска фараона встретились с хеттами, подойдя к Кадешу. Несмотря на заключенный с Египтом договор о взаимном нейтралитете, хеттская армия не прекратила нападений. В 1288 году в Кадеше на берегу Оронта (Телль-неби-Менд) состоялось крупнейшее сражение египетской армии с войском хеттов и их союзников – нескольких ханаанейских правителей из Северной Сирии, включая правителя Угарита (в египетской транскрипции Экерет). После почти столетнего перемирия египтяне и хетты сошлись в жестокой схватке.

После битвы, которая так и не привела к чьей-либо победе, был заключен договор, по которому разграничивались сферы египетского и хеттского влияния в Ханаане и Кадеше. Договор на время стабилизировал отношения между двумя державами. Он продолжал действовать несколько десятилетий. Поражение хеттов от «людей моря», пришедших с эгейского побережья, и последовавшее вскоре после этого вторжение арамейцев из степей Аравии привели к тому, что около 1200 года хеттское государство исчезло с лица земли.

Приход иудейских племен означал, что в истории Сирии и Палестины наступил новый этап. Его началом стало образование и усиление союза арамейских племен, постепенно превратившегося в несколько национальных государств.

Об этих событиях рассказывает надпись фараона Мернептаха (1225–1215) – первое в истории упоминание Израиля в письменном источнике. Главной целью его похода был ханаанейский укрепленный город Газру (Гезер), но, кроме него, были захвачены и опустошены и другие области Палестины. После сообщения о поражении, нанесенном ему «людьми моря» на западе от Дельты, следует описание опустошений:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.